

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука —
Восточная литература
2019

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 16, № 4

ЗЧМД

2019

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

Выпуск 39

Редакционная коллегия

Главный редактор чл.-корр. РАН **И.Ф. Попова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **С.М. Анисеева** (Москва, ФГУП «Издательство «Наука»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская государственная библиотека)

О.В. Васильева (Санкт-Петербург, РНБ)

д.и.н. **М.И. Воробьева-Десятовская** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.П. Деревянко** (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (Москва, ИМЛИ РАН)

к.и.н. **К.Г. Маранджян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (Москва, ИДВ РАН)

проф. **Не Хунъинь** (КНР, Пекин, Ин-т этнологии и антропологии АОН КНР)

чл.-корр. РАН **А.И. Османов** (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский университет)

проф. **Таката Токио** (Япония, Университет Киото)

Н.О. Чехович (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Ю.А. Иоаннесян.** Колебание гласных [а] и [е] в исходе слов в хорасанских персидских диалектах **5**
- И.А. Алимов.** Заметки о *сяошо*: «Е жэнь сянь хуа» **13**
- С.М. Прозоров.** Истоки, проблемы и задачи российского академического исламоведения **18**
- А.В. Степанова.** Значение и символика берберских татуировок Магриба **34**

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- О.М. Чунакова.** Согдийские фрагменты буддийской сутры **41**
- А.В. Зорин, А.А. Сизова.** О тибетском ксилографе из Хара-Хото в собрании ИВР РАН **60**
- Е.Ю. Харькова.** Основы тибетской лексикографии в словаре «Махавьютпатги» **76**

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

- С.С. Сабрукова.** Письма В.И. Рассадина из Дархана (по материалам АВ ИВР РАН) **88**
- О.В. Лундышева, Л.И. Крякина.** Лаборатория реставрации ИВР РАН **100**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- И.В. Богданов.** III Конференция памяти В.А. Якобсона «Общество и культура Древнего Востока» (Санкт-Петербург, 18–19 марта 2019 г.) **111**
- М.А. Козинцев.** Международный молодежный форум «Россия и тюркский мир: взгляд молодежи из России и Киргизии» (Кыргызстан, Бишкек, 26–27 апреля 2019 г.) **118**
- А.А. Туранская, А.В. Зорин.** 15-й семинар Международной ассоциации тибетологов (Франция, Париж, 7–13 июля 2019 г.) **121**
- А.В. Зорин.** Восьмые петербургские тибетологические чтения (Санкт-Петербург, 10 сентября 2019 г.) **124**
- Т.А. Пан.** Научно-практический семинар по маньчжуроведению (Германия, Мюнхен, 17–18 сентября 2019 г.) **129**

РЕЦЕНЗИИ

- С.А. Полхов.** Законодательные уложения Сэнгоку даймё: Исследования и переводы.— М.: Кругъ, 2015 (Новые исследования по японской культуре. Кн. 2). — 648 с. (**В.Ю. Климов**) **133**
- А.В. Беляков.** Ураз-Мухаммед ибн Ондан и Исинея Карамышев сын Мусаитов. Опыт совместной биографии. Алматы: АБДИ Компани, 2019. — 208 с. (серия «Казахи. История и культура») (**Р.Ю. Почекаев**) **138**

На четвертой стороне обложки:

SI 5873 (старый шифр Втох/11). Тохарский документ VII в. из коллекции М.М. Березовского

Истоки, проблемы и задачи российского академического исламоведения¹

С.М. Прозоров

Институт восточных рукописей РАН

DOI: 10.7868/S1811806219040034

В статье рассматриваются следующие вопросы: коллекция арабографических рукописей Азиатского Музея Императорской Академии наук в Санкт-Петербурге как основа для зарождения и дальнейшего развития академического исламоведения в России. «Вестернизация» и «христианизация» исламской лексики на русском языке. Важные вехи в истории российского академического исламоведения: первые переводы Корана на русский язык с языка оригинала (Д.Н. Богуславский, Г.С. Саблуков); первые в России фундаментальные Арабская хрестоматия и арабско-русский «Словарь к Арабской хрестоматии и Корану» (В.Ф. Гиргас и барон В.Р. Розен); исследования лексики Корана (К.С. Кашталёва), исламоведческие труды акад. В.В. Бартольда; учреждение в Петроградском университете специализированной Кафедры исламоведения (ноябрь 1918 г.). Целенаправленная и последовательная линия на создание российской школы академического исламоведения. Комплексная программа по изучению ислама и подготовке профессиональных исламоведов. Отсутствие унификации понятийного аппарата, препятствующее повышению уровня профессиональных знаний об исламе в российском обществе как одна из хронических проблем и одновременно слабостей российского академического востоковедения. Коранистика, включая мусульманскую экзегетику и переводы Корана на русский язык, — важнейшая дисциплина академического исламоведения. Стратегические задачи академического исламоведения: коллективная подготовка «базового» перевода Корана на русский язык; объединение усилий руководства академических и образовательных институтов для создания специальных кафедр исламоведения в специализированных вузах; создание академического многопрофильного федерального Института исламоведения.

Ключевые слова: Азиатский Музей, академическое исламоведение, «базовый» перевод Корана, институт исламоведения, ислам, исламоведческое образование, кафедра исламоведения, Коран, переводы Корана на русский язык, подготовка профессиональных исламоведов, толкование Корана, унификация понятийного аппарата ислама и академического исламоведения.

Статья поступила в редакцию 22.10.2019.

Прозоров Станислав Михайлович, канд. исторических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель научного направления ИВР РАН, РФ; 191186, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 18 (s_prozorov@mail.ru).

© Прозоров С.М., 2019

¹ В основе статьи лежит доклад с этим же названием, озвученный на международном семинаре «Академическое исламоведение в Российской Федерации: проблемы и перспективы», состоявшемся 27 июня 2019 г. в ИВР РАН. Информация о семинаре размещена на официальном сайте ИВР РАН.

Учитывая геополитическое положение Российской империи и этноконфессиональный состав ее населения, представляется закономерным, что именно в имперской столице, в Санкт-Петербурге, в рамках Императорской Академии наук в ноябре 1818 г. было основано первое в России специализированное учреждение — Азиатский Музей, в задачи которого входили сбор, хранение и комплексное исследование «азиатских» артефактов, в том числе рукописей на восточных языках, разными путями поступавших в столицу по мере расширения границ Российской империи на восток. Основание Азиатского Музея свидетельствовало о возрастающем стратегическом интересе России к южным и восточным территориям и населяющим их народам и этносам, символически выраженном в двуглавом орле на гербе Российской империи. Символично также, что формальным поводом к созданию Азиатского Музея в качестве структурного подразделения Императорской Академии наук послужило приобретение имперским правительством частной коллекции арабографических рукописей в 1818 и 1825 гг. (500+200 единиц). Эта коллекция послужила толчком к зарождению и последующему становлению российского академического востоковедения, в том числе и исламоведения, как самостоятельной научной дисциплины.

Естественно, что представители академического востоковедения обратились к письменному наследию мусульман как богатому и оригинальному источнику информации о пророке Мухаммаде, ниспосланном ему Священном Писании (Коране) и своде мусульманских преданий (*хадисов*) о нем. Объективная трудность в освоении арабографического письменного наследия мусульман и адекватной передаче исламской лексики академическим языком другой культуры была связана с невлaдением понятийным аппаратом ислама, отсутствием специальных арабско-русских словарей и устоявшихся традиций российского академического востоковедения. Этим и объясняется тот факт, что первые переводы оригинальных источников, в том числе Корана, на русский язык были сделаны с переводов их на европейские языки, и как следствие этого в российском востоковедении укоренилась произвольная и неадекватная лексика, связанная с мусульманской тематикой. Первые переводы Корана на русский язык с языка оригинала были сделаны в России профессиональными востоковедами только в последней четверти XIX в., при этом в русской лексике на темы ислама явно прослеживаются следы ее «вестернизации» и «христианизации» (Прозоров 2004: 398–402; 2008: 73–76; 2016: 46–49)².

Первыми в России переводчиками Корана на русский язык с языка оригинала были Д.Н. Богуславский и Г.С. Саблуков.

Дмитрий Николаевич Богуславский (1826–1893) — титулованный и прославленный генерал, кадровый военный-востоковед, основательно владевший арабским языком, первый пристав при Шамиле. Будучи переводчиком Российской миссии в Константинополе, он первым в Российской империи подготовил (завершил в 1871 г.) полный перевод Корана с оригинала на русский язык, который, однако, несмотря на весьма положительную оценку, данную ему бароном В.Р. Розеном, остался в рукописи (вероятно, потому, что в 1878 г. вышел из печати перевод Корана, выполненный также с оригинала известным арабистом Казанской духовной академии Г.С. Саблуковым). Очень точную и сущностную оценку перевода Д.Н. Богуславского дал акад. И.Ю. Крачковский, отметив, что «безукоризненным перевод Богуславского назвать нельзя», однако «свою основную цель — дать представление о понимании Корана

² Разные аспекты этой проблемы рассмотрены также в других моих публикациях.

в мусульманских кругах поздних эпох — он достигает вполне» (Крачковский 1945: 293–301). Позже он напишет, что это «труд, который дает полное право этому генералу на место в истории нашей арабистики» (Там же: 300; Крачковский 1950: 135–136; 1955: 121). Только спустя 124 года (в 1995 г.) состоялась первая публикация перевода Д.Н. Богуславского — это было эксклюзивное («подарочное») издание тиражом всего 100 экз. (издательская фирма «Восточная литература» РАН, Москва, и издательский центр «Петербургское Востоковедение», СПб.). Второе, «публичное» издание (в «карманном» формате) появилось в Стамбуле в 2001 г. и впоследствии переиздавалось еще пять раз (2004, 2005, 2007, 2012, 2013).

Гордий Семенович Саблуков (1804–1880) — питомец Московской духовной академии, известный арабист Казанской духовной академии, автор самого популярного среди российских мусульман перевода Корана на русский язык, выдержавшего многочисленные издания вплоть до наших дней. Этот перевод, опубликованный впервые в 1878 г., когда его автору было уже 74 года, явился плодом нескольких десятилетий изучения Корана на основе, как отметил в свое время акад. И.Ю. Крачковский, «поздней мусульманской традиции». По его мнению, «за семьдесят лет перевод Г.С. Саблукова, конечно, значительно устарел, его основная установка на понимание текста согласно поздней мусульманской традиции едва ли правильна...». Вместе с тем И.Ю. Крачковский считал «полезными» и другие работы Г.С. Саблукова, связанные с изучением Корана, в частности «Приложения к переводу Корана» (1879, 1898) и «Сведения о Коране, законоположительной книге мохаммеданского вероучения» (посмертное издание 1884 г.) (Крачковский 1950: 181–184).

Крупнейшими представителями российской школы академического исламоведения последней четверти XIX — первой половины XX в. были: арабист, «основатель новой школы русского дореволюционного востоковедения» (по определению акад. И.Ю. Крачковского) барон В.Р. Розен (1849–1908), его ученики В.В. Бартольд (1869–1930) и А.Э. Шмидт (1871–1939), И.Ю. Крачковский (1883–1951), Е.Э. Бертельс (1890–1957), И.П. Петрушевский (1898–1977), ученик И.Ю. Крачковского В.И. Беляев (1902–1976) (Винников, Долинина 1972: 3–14)³. Исламоведческие исследования ведущих представителей этой школы и ее последователей отличала опора на контекстно-исторический и историко-филологический подходы к материалам оригинальных арабографических источников.

Начало отечественному академическому исламоведению положили «первый арабист из русских», «основатель новой школы нашей арабистики» (Крачковский 1950: 136, 138) Владимир Федорович Гиргас (1835–1887) и его ученик и друг, профессор Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета (ныне Восточный факультет СПбГУ) барон Виктор Романович Розен, совместно составившие и опубликовавшие в 1876 г. в Санкт-Петербурге фундаментальную, первую в России «Арабскую хрестоматию», — она приобрела и европейскую известность (Крачковский 1928: 63–90).

Важной вехой в становлении отечественного академического исламоведения стали подготовка и издание специального словаря к этой хрестоматии — «Словаря к Арабской хрестоматии и Корану» В.Ф. Гиргаса (Гиргас 1881), который по праву занял особое место в истории отечественной арабистики и исламоведения. Это — первый

³ Проф. Виктор Иванович Беляев — блестящий знаток арабских рукописей, долгие годы преподававший на Факультете восточных языков / Восточном факультете ЛГУ, составитель «Хрестоматии по истории раннего ислама» (неопубликованный материал) и «Библиографии исламоведческих работ» (1931).

и до сих пор остающийся единственным арабско-русский словарь, составленный на основе классических арабских текстов, прежде всего Корана и мусульманских преданий (*хадисов*) — двух главных источников исламского вероучения и права. Словарь открыл отечественным арабистам доступ к оригинальным арабским текстам, в которых нашли отражение разные стороны духовной жизни и быта мусульманского общества. Образный русский язык «Словаря», его самобытная лексика способствовали более глубокому и конкретному восприятию духовного наследия и культуры в целом арабо-мусульманского мира. К достоинствам «Словаря» относится также то, что в его статьях нередко приводятся антонимы и синонимы, даются переводы целых фраз и *айатов*. Изданный единожды в 1881 г., этот уникальный «Словарь» послужил многим поколениям отечественных арабистов, в том числе исламоведов, но практически сразу же после публикации стал библиографической редкостью⁴.

Следующим шагом в развитии российского академического исламоведения стало учреждение по инициативе Александра Эдуардовича Шмидта (1871–1939) первой не только в России, но и в Европе Кафедры исламоведения на Факультете восточных языков Петроградского университета. В своих воспоминаниях о бароне В.Р. Розене А.Э. Шмидт писал: «Исламоведение в то время не было представлено на факультете восточных языков отдельной кафедрой, но об открытии таковой в будущем В(иктор) Р(оманович) уже тогда подумывал и хлопотал». В ноябре 1918 г. А.Э. Шмидт составил записку с обоснованием необходимости создания специализированной Кафедры исламоведения в Петроградском университете, и 22 ноября 1918 г. на заседании Совета Петроградского университета было принято единогласное решение об учреждении этой кафедры на Факультете восточных языков (Беккин 2018: 235–247). И хотя эта кафедра просуществовала лишь несколько лет и была ликвидирована в ходе создания Факультета общественных наук, тем не менее ее учреждение в условиях смены государственной идеологии стало знаковым явлением и ориентиром в истории отечественного исламоведения.

В деятельности барона В.Р. Розена и А.Э. Шмидта прослеживается целенаправленная и последовательная линия на создание российской школы академического исламоведения. Учитывая смену государственной идеологии, год существования советской власти, бурные политические события в стране, следует признать их действия подвижническими и стратегически верными. В ноябре 2018 г. исполнилось сто лет с момента основания Кафедры исламоведения, но, к сожалению, это важное в истории отечественного исламоведения событие не было официально отмечено на Восточном факультете СПбГУ. Оно было озвучено на Ученом совете ИВР РАН и на заседании Круглого стола «Ислам на территории бывшей Российской империи», проходившего в ИВР РАН в рамках Международного форума «Россия и Восток. К 200-летию российского академического востоковедения», посвященного юбилею Азиатского Музея.

⁴ Только в 2006 г. «Словарь» В.Ф. Гиргаса был переиздан под названием «Арабско-русский словарь к Корану и хадисам» (подготовили С.М. Прозоров и М.Г. Романов) (Гиргас 2006). В Предисловии к переизданию оговорена внесенная в текст корректура: заполнены лакуны, учтены и исправлены опечатки, указанные самим В.Ф. Гиргасом; дополнительно выявлены и исправлены опечатки и дефекты печати, вызванные несовершенством типографского шрифта и набора; имена собственные, названия сочинений, племен, религиозных течений, топонимы и этнонимы приведены в соответствие с современными требованиями научной транслитерации и современного русского языка и т.д.

СЛОВАРЬ
КЪ
АРАБСКОЙ ХРЕСТОМАТИИ
И
КОРАНУ.

СОСТАВИЛЪ

Проф. В. Гиргасъ.

КАЗАНЬ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.
1881.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Приступая къ составленію словаря къ Арабской Хрестоматіи, изданной мною вмѣстѣ съ Барономъ В. Р. Розеномъ, я рѣшилъ включить также въ него всѣ слова, встрѣчающіяся въ Коранѣ, изученіе котораго необходимо для арабистовъ. Хотя это увеличило объемъ словаря, но за то, надѣюсь, избавитъ студентовъ на первое время отъ нужды въ другихъ словаряхъ. Чтобы нагляднѣе представить происхожденіе словъ, я помѣстилъ всѣ корни, отъ которыхъ происходятъ встрѣчающіяся въ Хрестоматіи и Коранѣ производныя слова.

Несмотря на всѣ мои старанія, я не могъ избѣжать неизбежныхъ въ трудахъ подобнаго рода опечатокъ. Важнѣйшія изъ нихъ отмѣчены мною особо; но кромѣ нихъ попадаются опечатки, происшедшія отъ несовершенства арабскаго шрифта, въ которомъ различительныя точки легко отскакиваютъ при печатаніи. Эти опечатки легко могутъ быть исправлены при сравненіи подобныхъ словъ съ другими тогоже корня.

Въ заключеніе считаю своимъ долгомъ выразить глубочайшую признательность моему товарищу Барону *В. Р. Розену* за ту любезную готовность, съ которой онъ принялъ на себя просмотръ корректурныхъ листовъ, и тѣмъ самымъ содѣйствовалъ появленію этого словаря въ болѣе совершенномъ видѣ.

Проф. В. Гиргасъ.

По опредѣленію Факультета Восточныхъ языковъ
печатать разрѣшается.

Деканъ В. Васильевъ
22 ноября 1878 года
С.-Петербургъ

Молодое российское академическое исламоведение, не имевшее научных традиций в передаче на русский язык исламской лексики, унаследовало и методологию, и соответствующую терминологию от западных ориенталистов. Отечественное исламоведение еще не до конца освободилось от этого «наследия» и по сей день.

В первые годы советской власти (после учреждения Кафедры исламоведения) появились научно-популярные издания Василия Владимировича Бартольда «Ислам», «Культура мусульманства» и «Мусульманский мир», «которые много дали и для специалистов и подтолкнули и самого В.В. Бартольда к исламоведческим исследованиям, основанным на тех же источниках, которыми располагали западные ученые, но тем не менее ему удалось показать новые детали, не замеченные ранее западными учеными, давшие основание для построения очень сложного в истории Аравии периода» (Крачковский 1950: 224–225).

Неожиданный для самого автора интерес в российском обществе к этим публикациям по исламу стимулировал его к академическому исследованию истории ислама на основе детальной проработки доступных источников и критического анализа трудов западных ученых. В результате было подготовлено и издано около трех десятков статей и рецензий, посвященных разным аспектам ранней истории ислама. Так, в статье «Мусейлима» В.В. Бартольд реконструирует события важного периода в истории раннего ислама — «отпадение» арабских племен от ислама после смерти пророка Мухаммада (Бартольд 1966: 549–574; Крачковский 1934: 5–18).

Московская арабистка Ксения Савельевна Кашталёва (ум. 15 июля 1939 г.), трагически рано ушедшая, но оставившая образцы глубокого и изящного исследования коранической лексики, успела подготовить и издать 6 законченных эссе о терминологии и хронологии Корана: «О терминах *анба* и *аслама* в Коране» (1926), «К вопросу о хронологии 8-ой, 24-ой и 47-ой сур Корана» (1927), «К переводу 77-го и 78-го стиха 22-й суры Корана» (1927), «О термине *шахида* в Коране» (1927), «О термине *ханиф* в Коране» (1928), «Терминология Корана в новом освещении» (1928). Акад. И.Ю. Крачковский высоко оценил «этюды» рано умершей и не завершившей их арабистики по терминологии Корана: она «внесла много нового не только в смысле реальных результатов, но и обоснования нового приема в изучение коранического языка и стиля». Рассматривая Коран как исторический источник, К.С. Кашталёва «применила к его изучению оригинальный терминологический метод и на ряде этюдов показала значение нового подхода для внутренней истории памятника и фиксации хронологического порядка его частей» (Крачковский 1950: 221–222, 229, 241, 275; Кашталёва 1930: 243–270).

Первостепенной задачей российского академического исламоведения является предоставление российскому обществу непредвзятой и достоверной информации об исламе, при этом лексика пишущего и/или рассуждающего об исламе должна адекватно восприниматься пользователями — читателями и слушателями. Однако приходится констатировать, что одна из хронических проблем и одновременно слабостей российского академического исламоведения — отсутствие унификации его понятийного аппарата, препятствующее повышению уровня профессиональных знаний об исламе прежде всего в среде ученых-гуманитариев, да и в российском обществе в целом. Перманентная полемика внутри мусульманского сообщества, субъективные претензии на «правотворность», многообразие региональных форм бытования ислама и истолкования его догматов и предписаний и другие внешние и внутренние факторы предопределили разноречивой и неадекватностью исламской лексики на русском языке.

На протяжении всей истории ислама мусульманские ученые, последователи разных богословско-правовых школ, пытались в устных диспутах (*маджлис/маджалис, муназара*) и в полемических сочинениях доказать «правоверность» своего учения, своей школы, обвиняя при этом своих оппонентов в «заблуждении», «неверии в единого Бога», «безбожии» и т.д. Полемическая литература стала одним из самых распространенных жанров арабграфической словесности. При этом полемика была направлена на «опровержение» учений не столько других религий (иудаизма, зороастризма, христианства), сколько богословско-правовых школ и общин внутри исламского сообщества. Все без исключения исламские богословско-правовые школы и общины черпали свои аргументы из основных источников вероучения и права — Корана и Сунны. Но поскольку сами эти источники содержали в себе неясности и неопределенности, а их интерпретация носила неизбежно субъективный характер, то разногласия внутри мусульманского сообщества стали характерной чертой бытования и истолкования ислама. Обоснование этому мусульманские ученые нашли в приписываемом Мухаммаду предсказании (*хадисе*), согласно которому его община распадется на 73 общины (*милал, фирак*), одна из них спасется (попадет в рай), а остальные погибнут (попадут в ад). По другой версии — 72 спасутся, а одна погибнет.

Констатируя эти перманентные разногласия в истории ислама и претензии последователей многочисленных школ на «правоверность», западные, а вслед за ними и российские исследователи мусульманского Востока также пытались определить «правоверные», или «ортодоксальные» школы, относя другие к категории «еретических», «раскольников» и т.д. В арабском языке нет терминов «правоверие»/«правоверный», «ортодоксия»/«ортодоксальный», допускающих, что есть мусульмане «неправоверные», «неортодоксальные». Ни у мусульманских ученых-богословов, ни у светских исламоведов нет объективных критериев для определения понятия «правоверие» и отнесения той или иной школы к категории «правоверных». Взаимные обвинения в «неверии» последователей разных богословско-правовых школ ислама были и остаются полемическим приемом и штампом. Здесь уместно привести слова известного мусульманского мыслителя аш-Шахрастани (ум. в 548/1153 г.): «Кто слепо привержен своему *мазхабу*, тот обвиняет в неверии других».

При всем многообразии региональных форм бытования ислама и истолкования его догматов и предписаний, порожденном спецификой этой религии, следует признать равноправие, равноценность всех исламских школ и общин, проповедующих основополагающие догматы и предписания «нормативного» ислама и не преступающих «красной» черты путем отрицания общих принципов ислама или насильственного навязывания своей модели их истолкования.

С 80-х годов XX в. начался новый, важный этап в истории академического исламоведения в России: впервые (с «позволения» высших органов советской власти) была разработана комплексная программа по изучению ислама и подготовке профессиональных исламоведов. В рамках этой программы были подготовлены и изданы: энциклопедические словари «Ислам» (1991) и «Ислам на территории бывшей Российской империи» (Т. I, 2006; Т. II, 2018), монографии «Коран и его толкования (Тексты, переводы, комментарии)» (2000), «Исторические предания Корана. Слово и образ» (2005), «Ислам как идеологическая система» (Т. I, 2004; Т. II, 2016), сборники исламоведческих статей «Ислам. Религия, общество, государство» (1984) и «Ислам. Историкографические очерки» (1991), исследования и переводы на русский язык оригинальных арабграфических источников по исламу, «Хрестоматия по исламу» (1994)

(Хрестоматия 1994)⁵, авторские программы курса лекций «Введение в исламоведение» (для студентов-бакалавров, 2009) и «Ислам как идеологическая система» (для магистрантов), программы стажировки, аспирантуры и кандидатских экзаменов.

Одна из актуальнейших задач российского академического исламоведения — способствование созданию кафедр исламоведения на специализированных факультетах светских вузов. В первую очередь необходимо возродить такую кафедру на Восточном факультете СПбГУ, где 100 лет назад благодаря настойчивости и усилиям проф. А.Э. Шмидта была учреждена первая в России и в Европе кафедра исламоведения. Дело это очень важное, но хлопотное, прежнее руководство Восточного факультета СПбГУ под разными объективными и субъективными предлогами не брало на себя ответственность за решение этой проблемы. Однако при наличии упомянутых выше академических публикаций (энциклопедий, монографических исследований, пособий, специальных программ лекционных курсов) эта задача не представляется неразрешимой. Для реального функционирования такой кафедры для начала хватило бы трех специалистов: ислаоведа-арабиста, ислаоведа-ираниста и ислаоведа-тюрколога/османиста. Такая кафедра могла бы не только обслуживать ближневосточные кафедры Восточного факультета, но и заниматься подготовкой исламоведов (в том числе через стажировку и аспирантуру) для других гуманитарных вузов.

С учетом этноконфессионального состава населения Российского государства и его исторического соседства со странами мусульманского Востока представляется парадоксальным и неоправданным отсутствие в России государственной программы системного исламоведческого образования и подготовки профессиональных исламоведов, потребность в которых во всех сферах общественной жизни, особенно в среде гуманитариев, очевидна и перманентна. Это осознавали еще стоявшие у истоков российского академического исламоведения вышеупомянутые барон В.Р. Розен и А.Э. Шмидт.

Особая роль в просвещении российского общества и повышении профессионального уровня преподавателей и выпускников исламских и светских образовательных гуманитарных учреждений предопределена, на мой взгляд, методологическим подходом к изучению российского ислама, раскрывающим многообразие форм его бытования и исключаящим как прозелитизм, идеализацию, так и предвзятость, исламофобию. Содержащийся в энциклопедическом словаре «Ислам на территории бывшей Российской империи» богатый и разнообразный материал позволяет на его основе подготовить тематические спецкурсы лекций (например, культовые места, суфизм, богословско-правовые школы и т.д.) как в масштабе всей страны, так и в отдельных ее регионах. Позитивным фактором в отношении к материалам Словаря может стать состав авторов: больше половины из них — мусульмане.

⁵ В начале 1980-х годов в нашем Институте по моей инициативе была официально организована межсекторальная Группа исламоведения, члены которой в рамках разработанной комплексной программы по изучению ислама и подготовке профессиональных исламоведов по специальности «Историография и источниковедение раннего и средневекового ислама» занимались изданием первых в истории страны энциклопедических словарей по исламу, переводами и исследованиями рукописного наследия народов мусульманского Востока. Тогда же был учрежден регулярно действовавший под моим руководством «Исламоведческий семинар», на котором аспиранты и молодые сотрудники Арабского кабинета обсуждали подготовленные ими переводы оригинальных арабо-исламских текстов разного жанра, тематики и дисциплины и комментарии к ним. Отредактированные материалы заседаний Семинара и легли в основу «Хрестоматии по исламу» в виде Введения и 6 разделов, отражающих основные жанры и дисциплины академического исламоведения: агиография, коранистика, мусульманское предание (*хадисы*), догматика, суфизм, мусульманское право (*ал-фиqh*).

Путь к повышению уровня профессиональных знаний об исламе, прежде всего в среде ученых-гуманитариев, работающих с материалами мусульманского культурного пространства, а также в среде образованной части российского общества, — унификация понятийного аппарата ислама и академического исламоведения. В последние десятилетия тема «ислам» стала настолько актуальной и востребованной в России, что только ленивый не пытается «прославиться» на поприще «научного» исламоведения — будь то в интернете, в СМИ или в книжных изданиях. Но если в интернет, как в мусорную корзину, можно безнаказанно вбросить любую писанину (от элементарно безграмотной до аморальной и социально вредной), а отношение в обществе к суждениям конъюнктурных политологов и публицистов, выступающих в радио- и телепередачах, подобно отношению к одноразовой посуде, то к авторам и издателям книжной продукции («Что написано пером, то не вырубишь топором») об исламе предъявляются особые требования — прежде всего, это профессиональные знания, гражданская ответственность, научная этика. Эти требования обусловлены важной ролью, которую играл и играет ислам во внутренней жизни и внешней политике России.

К сожалению, российский книжный рынок все более наполняется публикациями, подготовленными людьми, не имеющими профессионального востоковедного образования и не стесненными рамками научной этики и элементарной порядочности. В практику вошло не только использование, но и дословное перепечатывание фактического и исследовательского материалов из «анонимных» исламоведческих работ, послуживших новоиспеченным «исламоведам» источником их «вдохновения». «Продвинутые» исламоведы также прибегают к плагиату, но делают это более изощренно: пересказывают (более или менее близко к тексту оригиналов) изданные на русском языке (а кто может — и на западных) исламоведческие исследования или просто переписывают их, вставляя или заменяя в них отдельные слова, а в каком-нибудь малозначащем месте своего «творения» делают (на случай уличения в плагиате?) скромную ссылку на соответствующую монографию или статью, создавая у читателя впечатление, что всё предшествующее изложение (добытый из оригинальных источников материал, сущностные определения, суждения, принципиальные выводы) принадлежит автору предлагаемого труда.

Владение понятийным аппаратом ислама — ключ к адекватному пониманию механизма функционирования этой религиозной системы. Применение к исламу терминов, имеющих в русском языке конкретно-историческое значение (ортодоксия/ортодокс, ортодоксальный, правоверие/правоверный, ересь/еретик, еретический, церковь/храм, институт, секта/учение, организованная группа людей и т.д.), но отсутствующих в арабской лексике, затушевывает специфику этой религии и дает читателю/слушателю, по существу, искаженное представление о ней. Взять, к примеру, широко распространенное в СМИ, особенно среди публицистов и политологов, употребление таких определений, как «исланизм», «исламиты». Попробуйте перевести их на арабский язык, скажем, в разговоре с носителями арабского языка или в письменном тексте, в статье. По-арабски *исламийун* — «последователи»/«приверженцы ислама», т.е. попросту мусульмане. Еще в начале IV/X в. знаменитый арабский доксограф ал-Аш‘ари (ум. в 324/936 г.) назвал свой огромный труд с описанием идейных расхождений в исламе *Макалат ал-исламийин ва ихтилафат ал-мусаллийин* («Учения последователей ислама и расхождения среди молящихся», т.е. «совершающих обязательные молитвы»). Употребление в русском языке этих терминов в значении «экстремисты», «экстремизм» (как делают это доморощенные «исламоведы», а вслед за

ними и конъюнктурные публицисты) абсолютно неверно и вызывающе (иначе получается, что все «последователи ислама» (*исламийун*) — «экстремисты»). Между тем уже в арабо-исламской лексике раннего периода сложилось (и сохраняется до сих пор) понятие «крайние», «придерживающиеся крайних взглядов» — *гулат* (ед.ч. *галий*) в отличие от *исламийун*, т.е. обычных мусульман.

Важнейшей дисциплиной академического исламоведения со времени его зарождения и поныне остается коранистика, включая мусульманскую экзегетику и научный перевод Корана. Вслед за «мусульманской» и «западной» традициями в российском исламоведении сложилась тенденция (в противовес буквальному переводу текста Корана) передавать сокрытые в нем «смыслы». Эту задачу мусульманские авторы решают не только путем внесения в коранический текст дополнений в виде соответствующих определений, но и путем недопустимой подмены текста Корана его расширенным толкованием. В результате такого вмешательства стирается грань между сакральным текстом Священного Писания и его целенаправленной интерпретацией, которая на протяжении веков менялась в зависимости от объективных и субъективных факторов. В мусульманской экзегетике находили отражение новые реалии мусульманского мира, историко-культурные традиции мусульманских народов, региональная специфика, приверженность авторов разным богословско-правовым школам и течениям ислама и т.д.

Я разделяю мнение, что при переводе Корана следует в принципе отказаться от употребления арабизмов (и не только арабизмов, — в этом же ряду такие термины, как *намаз*), получивших специальное значение в ходе формирования ислама как идеологической системы. Я убежден, что при переводе Священных текстов следует исходить из исторического контекста, из лексики, которая отражала бы социальное, правовое, религиозное и прочее сознание Мухаммада и его современников. Что касается библейских имен (Моисей, Иисус и др.), то их воспроизведение в христианско-православной традиции представляется некорректным. Во-первых, потому, что коранические образы этих персонажей отличаются от их библейских прототипов, они вобрала в себя иные, аравийские традиции, и ставить между ними абсолютный знак равенства — значит согласиться с утверждением западных востоковедов позапрошлого века, что ислам — это периферийный вариант иудейско-христианского монотеизма. Во-вторых, такой подход противоречит общепринятой традиции передачи пространственных арабских имен Харун, 'Иса, Муса, Ибрахим и т.д. Вместо этого мы должны будем писать Моисей ибн такой-то, Авраам ибн такой-то?!

Что касается определений типа «высокохудожественный перевод Корана», то мы имеем образцы таких «художеств» (лучше бы их не было!). При таком подходе к переводу столь сложного письменного памятника чрезвычайно трудно (если вообще возможно) не впасть в соблазн «красиво» исказить его содержание.

Интерполяции и комментарии, основанные на *тафсирах*, имеют право на существование и по большому счету неизбежны, но при этом пользователи таких «переводов» должны осознавать, что *тафсиры* отражают определенную культурно-языковую среду (персоязычную, тюркоязычную), понимание Корана в конкретном историко-культурном регионе в конкретный исторический период и содержат неизбежные элементы субъективизма (по определению И.Ю. Крачковского, «следуют мусульманской традиции»; ср., например, переводы Д.Н. Богуславского, М.-Н. Османова и др.). В условиях всё возрастающего количества вариантов переводов Корана пользователям всё труднее ориентироваться в выборе «правильного» перевода, что в свою очередь ведет к «нездоровому» соперничеству внутри мусульманского сообщества в России

и «неразберихе» в среде ученых-гуманитариев, особенно работающих с материалами исламского культурного пространства. Полагаю, что в сложившейся ситуации группа профессиональных исламоведов должна взять на себя подготовку «базового» перевода Корана на русский язык, в основу которого должен быть положен контекстно-исторический подход к содержанию Священного Писания мусульман.

Следует указать на отсутствие среди исламоведов единой системы, или алгоритма передачи на русский язык арабо-исламских терминов, понятий, имен, топонимов и т.д. Причиной тому — объективные трудности: в арабском языке три согласных буквы «ха», три «с» и три «з» и только три гласных, отсюда полный разброд, особенно среди представителей гуманитарных наук (политологов, социологов, этнографов, культурологов, историков, религиоведов, философов) и журналистов, пишущих на исламские темы, а также вольная манипуляция такими категориями мусульман, как салафиты, исламисты, фундаменталисты, экстремисты, ортодоксы, правоверные, истинные верующие и т.д.

Потребность в профессиональных исламооведах без преувеличения во всех сферах общественной жизни России очевидна и перманентна. Учитывая специфику истории России, этноконфессиональный состав ее населения и ее геополитическое положение в мире, представляется совершенно необходимым создание академического многопрофильного Института исламоведения, сотрудники которого занимались бы не только исследовательской работой (академическими переводами исламских оригинальных источников, составлением образовательных программ, специальных курсов лекций, учебных пособий и т.д.), но и подготовкой (через стажировку и аспирантуру) профессиональных исламоведов, в том числе из среды молодых мусульман, получивших религиозное образование как в российских исламских университетах, так и в зарубежных исламских центрах. Речь не идет о посягательстве на их вероисповедание, но только о том, чтобы они овладели языком и методологией академического исламоведения, шире смотрели на окружающий их мир и осознавали гражданскую ответственность за свою профессиональную деятельность.

Подводя итог краткого изложения истории и нынешнего состояния российского академического исламоведения и его насущных задач, предлагаю сообществу ученых-исламоведов обсудить следующие мои предложения.

I. В области научно-практической деятельности:

I.1. Федеральный многолетний проект «Глоссарий исламской лексики/терминологии» (концепция, коллектив исполнителей: профессиональные исламоведы, работающие с материалами оригинальных источников).

I.2. Федеральный многолетний проект «„Базовый“ перевод Корана на русский язык» (концепция, методология: контекстно-исторический подход к содержанию Корана, коллектив исполнителей: ученые разной специализации, изучающие период возникновения и формирования Корана).

II. В области научно-организационной деятельности:

II.1. Содействие созданию кафедр исламоведения в специализированных высших учебных заведениях России путем объединения усилий руководства академических и образовательных институтов.

II.2. Содействие созданию в России академического многопрофильного федерального Института исламоведения (обоснование, структура, задачи).

**Приложение:
дополнительная (рекомендуемая) литература по теме.**

- Абу Йусуф Йа'куб б. Ибрахим ал-Куфи.* Китаб ал-Харадж (Мусульманское налогообложение) / Пер. с араб. и коммент. А.Э. Шмидта, супракоммент. к пер. А.С. Боголюбова; подгот. к изд., вступит. ст. и указ. А.А. Хисматулина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. 451 с.
- Аликберов А.К.* Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII вв.) / Отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Вост. лит., 2003. 847 с.
- Бартольд В.В.* Работы по истории ислама и арабского халифата // *Академик В.В. Бартольд.* Сочинения. Т. VI. М.: Наука, 1966.
- Бертельс Е.Э.* Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. I. Общие работы; II. Суфийская терминология; III. Работы, посвященные отдельным суфийским авторам. Т. 3. М.: Изд-во вост. лит., 1965.
- Ислам. Историографические очерки / Под общ. ред. С.М. Прозорова. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. 232 с.
- Ислам. Религия, общество, государство / Отв. ред. П.А. Грязневич и С.М. Прозоров. М.: Наука, ГРВЛ, 1984.
- Ислам. Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. М.: Наука, ГРВЛ, 1991. 312 с.
- Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь / Сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. Том I (2006), 655 с.; Том II (2018), 645 с. М.: Наука, Вост. лит.
- Капиталёва К.С.* К вопросу о хронологии 8-ой, 24-ой и 47-ой сур Корана // ДАН-В. 1927. С. 102–107; К переводу 77-го и 78-го стиха 22-й суры Корана // ДАН-В. 1927. С. 121–124; О терминах *анба* и *аслама* в Коране // ДАН-В. 1926. С. 102–107; О термине *ханиф* в Коране // ДАН-В. 1928. С. 157–162; О термине *шахида* в Коране // ДАН-В. 1927. С. 117–120; Терминология Корана в новом освещении // ДАН-В. 1928. С. 7–12.
- Капиталёва К.С.* «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник / Записки Коллегии востоковедов, V. Л., 1930. С. 243–270.
- Ал-Муфаддал ал-Джу'фи* (ум. до 183/799 г.): Доказательства Божественного творения и продуманного устройства мира (Китаб ал-адилла 'ала-л-халк ва-т-тадбир) / Факсимиле рукописи, введ. и указ. С.М. Прозорова; Ин-т восточных рукописей РАН (Азиатский Музей). М.: Наука, Вост. лит., 2018. 24+176 с. (Памятники письменности Востока. CLI).
- Ан-Наубахти*, ал-Хасан ибн Муса. Шиитские секты (Фирак аш-ши'а) / Пер. с араб., исслед. и коммент. С.М. Прозорова. М., 1973. 255 с.
- Памяти академика В.Р. Розена. Статьи и материалы к 40-летию со дня его смерти. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947.
- Петрушевский И.П.* Ислам в Иране в VII–XV веках (курс лекций) / Отв. ред. В.И. Беляев. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1966. 400 с.
- Пиотровский М.Б.* Исторические предания Корана. Слово и образ. СПб.: Славия, 2005. 159 с.
- Прозоров С.М.* Арабская историческая литература в Иране, Ираке и Средней Азии в VII — середине X в. Шиитская историография. М.: ГРВЛ, 1980. 247 с.
- Резван Е.А.* Коран и его толкования (Тексты, переводы, комментарии). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.
- Ал-Фахри*, 'Али б. Мухаммад б. 'Абд Аллах. Китаб талхис ал-байан фи зикр фирак ахл ал-адйан (Краткое разъяснение к перечню последователей разных вер) / Факсимиле рукописи. Издание текста, предисл., краткое изложение содержания и указатели С.М. Прозорова. М.: Наука, ГРВЛ, 1988.
- Аш-Шахрастани*, Мухаммад ибн 'Абд ал-Карим. Книга о религиях и сектах (Китаб ал-милал ва-н-нихал). Ч. 1. Ислам / Пер. с араб., введ. и коммент. С.М. Прозорова. М.: Наука, ГРВЛ, 1984. 270 с.

Шмидт А.Э. Очерки истории ислама как религии. СПб., 1912.

Ars Islamica: в честь Станислава Михайловича Прозорова. Под ред. М.Б. Пиотровского и А.К. Аликберова. М.: Наука, Вост. лит., 2016. 871 с., илл.

Литература

- Бартольд 1966 — *Бартольд В.В.* Мусейлима // *Академик Бартольд В.В. Сочинения. Т. VI. Работы по истории ислама и Арабского халифата.* М.: Наука, 1966. С. 549–574.
- Беккин 2018 — *Беккин Р.И.* Кафедра исламоведения Петроградского университета (Об одной малоизвестной странице из биографии А.Э. Шмидта) // *А.Э. Шмидт: биография, научная переписка, избранные труды, библиография.* М.: Изд-во «Садра», 2018. С. 235–247.
- Винников, Долинина 1972 — *Винников И.Н., Долинина А.А.* Виктор Иванович Беляев (к семидесятилетию со дня рождения) // *Ученые записки ЛГУ им. А.А. Жданова. № 374. Серия востоковедческих наук. Востоковедение, I. К 70-летию профессора В.И. Беляева.* Л.: Изд-во ЛГУ. 1972. С. 3–14.
- Гиргас 1881 — *Словарь къ Арабской хрестоматии и Корану / Составиль Проф. В. Гиргасъ.* Казань: Типография Императорскаго университета, 1881.
- Гиргас 2006 — *Гиргас В.Ф.* Арабско-русский словарь к Корану и хадисам. СПб.: Изд-во «ДИЛЯ», 2006.
- Кашталёва 1930 — *Кашталёва К.С.* «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник // *Записки Коллегии востоковедов, V. Л., 1930. С. 243–270.*
- Крачковский 1928 — *Крачковский И.Ю.* В.Ф. Гиргас (К сорокалетию со дня его смерти) // *Записки Коллегии востоковедов, III. Вып. I. 1928. С. 63–90.*
- Крачковский 1934 — *Крачковский И.Ю.* В.В. Бартольд в истории исламоведения // *Известия АН СССР. Отделение общественных наук. М., 1934. С. 5–18.*
- Крачковский 1945 — *Крачковский И.Ю.* Перевод Корана Д.Н. Богуславского // *Советское востоковедение. 1945. № 3. С. 293–301.*
- Крачковский 1950 — *Крачковский И.Ю.* Очерки по истории русской арабистики. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
- Крачковский 1955 — *Крачковский И.Ю.* Над арабскими рукописями. Листки воспоминаний о книгах и людях (1945) // *Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955.*
- Прозоров 2004 — *Прозоров С.М.* Ислам как идеологическая система. Т. I. М.: Наука, Вост. лит., 2004. С. 398–402.
- Прозоров 2008 — *Прозоров С.М.* Методологические подходы к переводу Корана на русский язык // *Шигабутдин Марджани: наследие и современность. Материалы международной научной конференции (Казань, 15–17 мая 2008 г.).* Казань: Ин-т истории АН Татарстана, 2008. С. 73–76.
- Прозоров 2016 — *Прозоров С.М.* Научное исламоведение или апология ислама? (Несколько слов об издании комментированного перевода Корана на русском языке) // *Ислам как идеологическая система. Т. II. М.: Наука, Вост. лит., 2016. С. 46–49.*
- Хрестоматия 1994 — *Хрестоматия по исламу / Переводы с арабского, введения и примечания. Сост., отв. ред. и автор «Введения» С.М. Прозоров.* М.: Наука, ГРВЛ, 1994.

References

- Bartol'd V.V. "Museylima". In: Akademik V.V. Bartol'd. *Sochineniya. T. VI. Raboty po istorii islama i Arabского khalifata* [Academician V.V. Barthold, The Works. Vol. VI, Works on the History of Islam and the Arab Caliphate]. Moskva: Nauka, GRVL, 1966, pp. 549–574.
- Bekkin R.I. "Kafedra islamovedeniya Petrogradskogo universiteta (Ob odnoy maloizvestnoy stranitse iz biografii A.E. Shmidta)" [The Department of Islamic Studies of Petrograd University (On a

- Little-Known Fact from A.E. Schmidt's Life). In: A.E. Schmidt: *biografiya, nauchnaya perepiska, izbrannye trudy, bibliografiya* [A.E. Schmidt: His Life, Scholarly Correspondence, Selected Works, Bibliography]. Moskva: Izdatel'stvo "Sadra", 2018, pp. 235–247 (in Russian).
- Vinnikov I.N., Dolinina A.A. "Viktor Ivanovich Beliaev (k semidesiatiletiu so dnia rozhdenia)" [Viktor Ivanovich Beliaev (to His 70th Anniversary)]. In: *Uchionye zapiski LGU imeni A.A. Zhdanova. № 374. Seria vostokovedcheskih nauk. Vostokovedenie, I. K 70-letiiu professor V.I. Beliaeva* [Proceedings of the A.A. Zhdanov Leningrad State University, No. 374. Oriental Studies Series. Oriental Studies I: To the 70th Anniversary of Professor V.I. Beliaev]. Leningrad: Izd-vo LGU, 1972, pp. 3–14 (in Russian).
- Girgas V.F. *Arabsko-russkiy slovar' k Koranu i hadisam* [An Arabic-Russian Dictionary Covering the Qur'an and the Hadith]. St. Petersburg: Izd-vo "Dilia", 2006 (in Russian).
- Girgas V.F. *Slovar' k Arabskoy khrestomatii i Koranu*. Sostavitel' prof. V. Girgas [A Dictionary for Reading the Arabic Chrestomathy and the Qur'an]. Kazan': Tipografia Imperatorskago universiteta, 1881 (in Russian).
- Kashaliyova K.C. "Podrazhania Koranu' Pushkina i ih pervoistochnik" [Pushkin's "Qur'anic Imitations" and the Source that Inspired Them]. *Zapiski Kollegii vostokovedov, V.* [Proceedings of the Collegium of Orientalists, V]. Leningrad, 1930, pp. 243–270 (in Russian).
- Krachkovsky I.Iu. "V.F. Girgas (K sorokoletiu so dnia ego smerti)" [V.F. Girgas (to the 40th Anniversary of His Death)]. *Zapiski Kollegii vostokovedov, III. Vyp. I* [Proceedings of the Collegium of Orientalists, III, Issue I]. 1928, pp. 63–90 (in Russian).
- Krachkovsky I.Iu. "V.V. Bartol'd v istorii islamovedeniia" [V.V. Barthold in the History of Islamic Studies]. *Izvestia Akademii nauk SSSR. Otdelenie obschestvennykh nauk* [The News of the Academy of Sciences of the USSR. The Department of Social Sciences]. Moskva, 1934, pp. 5–18 (in Russian).
- Krachkovsky I.Iu. "Perevod Korana D.N. Boguslavskogo" [D.N. Boguslavsky's Translation of the Qur'an]. *Sovetskoe vostokovedenie* [Soviet Oriental Studies]. 1945, № 3, pp. 293–301 (in Russian).
- Krachkovsky I.Iu. *Ocherki po istorii russkoy arabistiki* [Essays on the History of Arabic Studies in Russia]. Moskva–Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1950 (in Russian).
- Krachkovsky I.Iu. "Nad arabskimi rukopisiami. Listki vospominaniia o knigah i liudiah" (1945) [Porning over Arab Manuscripts: Pages of Reminiscences about Books and People]. In: Krachkovsky I.Iu. *Izbrannye sochineniia*. T. I [Selected Works, Vol. I]. Moskva–Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1955 (in Russian).
- Prozorov S.M. *Islam kak ideologicheskaia sistema*. T. I [Islam as an Ideological System, Vol. I]. Moskva: Nauka, Vost. lit., 2004, pp. 398–402 (in Russian).
- Prozorov S.M. "Metodologicheskii podhod k perevodu Korana na russkiy iazyk" [A Methodological Approach to Translating the Qur'an into Russian]. In: *Shigabutdin Mardjani: nasledie i sovremennost'. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Kazan', 15–17 maia 2008 g.)* [Shihab al-Din Marjani: Heritage and Modernity. Materials of the International Scholarly Conference (Kazan, May 15–17, 2008)]. Kazan', 2008, pp. 73–76 (in Russian).
- Prozorov S.M. "Nauchnoe islamovedenie ili apologiia islama? (neskol'ko slov ob izdanii kommentirovannogo perevoda Korana na russkiy iazyk)" [The Science of Islamic Studies or an Apology of Islam? (A Few Words on the Publication of a Commented Russian Translation of the Qur'an)]. In: *Islam kak ideologicheskaia sistema*. T. II [Islam as an Ideological System, Vol. II]. Moskva: Nauka, Vost. lit., 2016. S. 46–49 (in Russian).
- Prozorov S.M. *Khrestomatia po islamu*. Perevody s arabskogo, vvedeniia i primechaniia. Sostavitel', otv. redaktor i avtor "Vvedeniia" S.M. Prozorov [A Chrestomathy for Islamic Studies. Translated from Arabic, introduced and supplied with notes. Compiled, edited and prefaced by S.M. Prozorov]. Moskva: Nauka, Izd. firma Vost. lit., 1994 (in Russian).

The Origins, Problems and Tasks of Russian Academic Islamic Studies

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2019, volume 16, no. 4 (issue 39), pp. 18–33)

Received 22.10.2019.

Stanislav M. Prozorov

Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences;
Dvortsovaia naberezhnaia 18, St. Petersburg, 191186 Russian Federation.

The paper discusses the following issues: the collection of Arabic-script manuscripts of the Asiatic Museum of Imperial Academy of Sciences (St. Petersburg) as a base for the emergence and subsequent development of Academic Islamic studies in Russia. The “Westernization” and “christianization” of Islamic vocabulary in Russia. The important events in the history of Russian Academic Islamic Studies: the first translations of the Qur'an into Russian from the original (D.N. Boguslavsky, G.S. Sablukov); the first Russian, fundamental “Arabic Anthology” and the Arabic-Russian “Dictionary for Reading the “Arabic Chrestomathy and the Qur'an”; the researches of Qur'anic vocabulary (K.S. Kashtaleva), Islamic studies of academician V.V. Barthold; the creation of the Chair of Islamic Studies in Petrograd University (November 1918). The purposeful and consistent course of action aimed at the creation of Russian school of Academic Islamic studies. The complex program of study of Islam and preparation of professional Islamologists. One of the chronic problems and, at the same time, weakness of Russian Academic Islamic studies is the absence of unification of the basic Islamic vocabulary, hindering the advance of professional knowledge about Islam in Russian society. The most important discipline of the Academic Islamic Studies remains until now Qur'anica, including Islamic exegesis and translations of the Qur'an into Russian. The strategic tasks of Academic Islamic Studies are: collective preparation of the “basic” translation of the Qur'an into Russian; joint efforts of leaders of the academic and educational institutes for the creation of special chairs of Islamic Studies; the creation of an Academic Multidiscipline Federal Institute of Islamic Studies.

Key words: Academic Islamic Studies, Asiatic Museum, “Basic” Translation of the Qur'an, Chair of Islamic Studies, Comment of the Qur'an, Institute of Islamic Studies, Islam, Islamological Education, preparation of professional Islamologists, translations of the Qur'an into Russian, unification of basic Islamic vocabulary (terms).

About the author:

Stanislav M. Prozorov, Cand. Sci. (History), Leading Researcher, Chief of the Scientific Direction IOM RAS (s_prozorov@mail.ru).